

С. Л. Жидкова

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ИЗ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТУРГЕНЕВА
В РОМАНЕ «НОВЬ»**

Как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, Тургенев на протяжении всей его жизни привлекал XVIII век: его люди, его быт, его литература. Работая над комментариями к Описанию мемориальной библиотеки писателя, мы получили возможность конкретизировать эту тему. В данной работе мы ограничились тремя именами популярнейших авторов XVIII века, сочинения которых дали материал для творчества Тургенева, — Лафатером, Флорианом и Нелединским-Мелецким.

I

Значительную роль в обретении Тургеневым только ему присущей манеры создания типических характеров, как нам кажется, сыграло знаменитое сочинение Лафатера.

Швейцарский писатель и религиозный деятель Иоганн Каспар Лафатер родился в 1741 году в Цюрихе. В 1772–1778 годах Лафатер издал книгу «*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe*» («Физиогномические фрагменты для поощрения человекопознания и человеколюбия») с огромным количеством рисунков-силуэтов. В своих «фрагментах» Лафатер анализировал лица великих людей разных времен (Декарта, Сократа, Рафаэля и других) и лица своих современников по их портретам, устанавливая будто бы существующую реальную связь между внешностью человека и его характером. Так, например, острый контур лица и губ, по Лафатеру, указывает на воинственность человека, а выпяченная нижняя губа отличает скупцов и сластолюбцев.

В России сочинением и личностью Лафатера заинтересовались еще в конце XVIII века. В 1782 году будущий российский император Павел,

И.-К. Лафатер

путешествовавший по Европе под именем Князя Северного, сделал крюк в несколько сот километров, чтобы посетить Лафатера и задать ему несколько вопросов. В 1789 году Лафатера посетил состоявший с ним в переписке Н. М. Карамзин. Как известно, о беседах с Лафатером он подробно рассказал в «Письмах русского путешественника». Увлечение Лафатером продолжалось и в XIX веке, хотя в повести «Дубровский» (1833) Пушкин уже не без иронии писал: «Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно».¹ О «последователях Лафатера»

упомянул Аполлон Григорьев в повести «Один из многих» (1846), о «лафатерских профилях» — Герцен в «Былом и думах» (1862).

В начале XIX века «Физиогномика» была переведена на русский язык, и русские могли познакомиться с книгой Лафатера и в оригинале, и в переводе.² Сведения о Лафатере Тургенев мог получить и в журналах той поры. В мемориальной библиотеке писателя сохранился журнал «Вестник Европы» с публикациями о Лафатере: биографический очерк «Лафатер» в переводе с немецкого, выполненном В. А. Жуковским,³ «Последние дни Лафатеровой жизни» в сокращенном переводе с немецкого Н. М. Карамзина,⁴ — а также журнал «Московский

¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 6. С. 265.

² Новейший полный и любопытный способ, как узнавать каждого человека свойства, нравы и участь по его сложению, или Опытный физиогном и хиромантик славного Лафатера, прославившегося в сей науке... СПб., 1808. Издание переиздавалось в 1809 и 1817 гг. В 1828 г. в Москве вышел также «Лафатер (дамский), или Искусство узнавать свойства женщин по физиогномии».

³ ВЕ. 1808. Ч. 38. Март. № 5. С. 23–33. «Важнейшее произведение ума его, — заключал биограф Лафатера, — которым прославился он у чужестранцев и по которому имеет неоспоримое право называться участником в распространении человеческих знаний, есть без сомнения „Физиогномические опыты“ <...> оно есть плод великого множества остроумных, философических и необыкновенных наблюдений, которые нередко изумляют своей справедливостию» (Там же. С. 28–29).

⁴ Там же. 1802. Ч. 2. Март. № 6. С. 95–115. Сокращенный перевод работы: *Nebe A. Johann Kaspar Lavater. Ueber ihn und Seine Schriften. Mit Erinnerungen aus meiner Reise in die Schweiz im Sommer 1800 in Beziehung auf Lavater und seine letzten Tage.* Leipzig, 1801. См. об этом: Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. Вып. 17. С. 255. В пятом номере журнала, как видно из составленной О. Б. Кафановой «Библиографии», появился еще один перевод Карамзина о Лафатере: Сравнение Дидерота с Лафатером (Из Journal de Paris) // ВЕ. 1802. Ч. 2. Март. № 5. С. 39–41 (Там же. С. 254).

ADDITION M.

Dans ce profil-ci il y a beaucoup plus de douceur, de bonté, d'amical, d'homagieux. Il n'y a pas la charité de précéder, mais on y croit d'autant plus de vérité & d'ignité. Ce caractère a moins de préventions, mais il s'en fait un bon emploi de ses facultés; il par le même son ferde d'origine; plus riche. Des fronts accablés de la force d'abandonner jamais en son caractère; & lorsque la bouche exprime un air de bonté que celle-ci, elle est intelligible d'un regard ouvert & levé. Avec une petite physionomie on est à l'abri des offenses & des outrages. Une naïveté harmonique dans les traits est une vraie grâce contre tous les mauvais.

ADDITION B.

Le front, dans être commun, ne veut pas le nez, & par conséquent ces deux parties se font pas homogènes. La dernière annonce un homme qui pense avec beaucoup de facilité, mais je ne retrouve pas le même degré d'expansion dans le bas du front, & moins encore dans l'intervalle qui reste entre l'œil & le front. D'autres l'aiment roide & gêné de l'ensemble contraste avec l'œil & la bouche, & surtout avec le nez. Si l'on compare le front, cette physionomie indique un caractère doux & tranquille.

«Лафатеровские профили»

Из французского перевода книги Лафатера
«Essai sur la physiognomonie, destinée à faire connoître
l'homme et à le faire aimer»
(1781–1803)

телеграф», в одном из номеров которого был помещен портрет Гёте с характеристикой, данной Гёте Лафатером (пер. Жуковского): «Гёте... вот человек, которого смело называю великим! Как приятно его рассматривать, когда, оживленный огнем своего гения, он устремляется в высоту полетом быстрым; или когда, спокойный в душе, разливается вокруг себя ясную тишину и безмятежное веселие! Всё открыто пронзающему его глазу. В минуту постигает он дальнейшие следствия. <...> Говоря, он повелевает: одним словом возвеличивает тебя или обращает в ничто. При нем суетное самолюбие унижено, а скромное достоинство блистает».⁵

По-видимому, именно эту характеристику имел в виду Тургенев, когда в статье «Фауст, трагедия, соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко...», писал о Гёте: «Стоит прочесть в „Физиогномике“ Лафатера восторженные строки, подписанные под его портретом...».⁶ По нашему убеждению, в библиотеке Тургенева имелось и отдельное издание книги Лафатера. Тургенев, придававший большое значение портретным характеристикам своих героев, по воспоминаниям Буквы (И. Ф. Васильевского), «имел терпение проштудировать всего Лафатера».⁷

Вероятно, не без влияния Лафатера Тургенев и семья Виардо затеяли в 1856 году «игру в портреты», которой увлекались более двадцати лет. 25 октября (6 ноября) 1856 года Тургенев писал В. П. Боткину:

⁵ Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 5. С. 96.

⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 1. С. 204.

⁷ Литературный вестник. Изд. Русского библиологического общества. 1903. Т. 6. Кн. 6. С. 162.

«...я рисовал пять или шесть профилей, какие только мне приходили — не скажу в голову — в перо; и каждый писал под каждым профилем, что он о нем думал. Выходили вещи презабавные <...>. Я сохранил все эти очерки — и некоторыми из них (т. е. некоторыми характеристиками) воспользуюсь для будущих повестей».⁸

Как было уже замечено, портретный набросок и его описание, сделанные Тургеневым в октябре 1856 года, в какой-то степени предвосхищают образ Лемма в романе «Дворянское гнездо». «Старый артист (музыкант или живописец), всегда терпевший полную неудачу во всем, что бы ни предпринимал, сломленный, разоренный, с помутившимся разумом, почти безумный; он почти совсем не спит, живет в ужасающей нищете. Природа одарила его воображением, способностями, талантом — но все пошло к чёрту, и теперь это совершенная развалина, еще не опомнившаяся и растерянная, но уже совершенно опустошенная. Он умрет в больнице — он достоин жалости, потому что, не будь судьба так ужасающе жестока к нему, он мог бы стать чем-нибудь».⁹ Если когда-нибудь отыщутся формулярные списки героев романа «Дворянское гнездо», в них вполне можно будет обнаружить процитированные строки.

Имя Лафатера упоминается в последнем романе писателя «Новь», где, характеризуя быт XVIII века, Тургенев подмечает типическую деталь того времени: «И действительно: XVIII век встретил гостей уже в передней, в виде низеньких синеньких ширмочек, оклеенных вырезанными черными силуэтками напудренных дам и кавалеров. С легкой руки Лафатера силуэттки были в большой моде в России в 80-х годах прошлого столетия».¹⁰ Как видим, здесь уже описание отстраненное, с налетом легкой иронии. Герои Тургенева — «осколки XVIII века» — Фимушка и Фомушка Субочевы навсегда уходят в прошлое вместе с приметами своего века, как, впрочем, ушло в прошлое увлечение Тургенева Лафатером.

Не могла пройти мимо внимания Тургенева и вышедшая на французском языке «Биография Лафатера» Эрмини Шаванн («Essai sur la vie de Jean-Gaspard Lavater»), обзор которой был помещен в июльской книжке журнала «Отечественные записки» за 1844 год. Впоследствии, при работе над романом «Новь», ему могли вспомниться следующие строки из нее: «Лафатер не всегда угадывал так удачно. Иногда он делал большие промахи и раз принял профиль какого-то злодея за профиль знаменитого Гердера».¹¹ Так же и Нежданов ошибается в отношении Фитюева.¹²

⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 134.

⁹ ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 469. № 23. Подлинник по-франц.

¹⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 242.

¹¹ ОЗ. 1844. Т. 25. № 7. Отд. VII (Иностранная литература). С. 44. Можно вспомнить также примечание Карамзина к упоминавшемуся уже переводу статьи о Лафатере: «Всякий из нас в некотором смысле физиогномист. Все мы говорим: умное, глупое, доброе лицо! Но физиогномика никогда не будет верною наукою, основанною на правилах. Лафа-

II

Не менее популярны среди русской читающей публики на рубеже XVIII–XIX веков были сочинения французского писателя Жана-Пьера-Клори де Флориана (1755–1794). Он был автором басен, пьес, стихотворных романов, пасторальных повестей. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, в юности переводивший Флориана, в 1800 году познакомился с офицерами Семеновского полка братьями Пещуровыми. В составе их маленькой библиотеки, вспоминал он, не было «ни одной военной, ни одной русской книги»: «все легкое, розовое, амурное», в том числе «полное собрание сочинений Флориана». Далее Вигель не без яда заметил, что французской литературой подобного рода были созданы «Измайловы и Шаликовы с их отвратительной чувствительностью».¹³ Не избежали увлечения Флорианом и родные Тургенева. В его мемориальной библиотеке находится «Т. II, содержащий Театр и различные стихотворения и литературные произведения» из женева издания Флориана 1787 года, а также 2-й, 3-й, 4-й и 7-й тома из парижского издания Флориана 1805 года.

Ж.-П.-К. де Флориан

Русские журналы были наводнены переводами, переделками и подражаниями из Флориана. Так, в журнале «Патриот» (имевшемся в библиотеке Тургенева) были опубликованы «Дитя и финик (Подражание Флориану)», «Персидский царь (Флорианова басня)»;¹⁴ «Руфь, или Награжденная добродетель. Драматическое действие, извлеченное из Священного Писания для молодых людей» с пояснением — «Фло-

тер тысячу раз сам обманывался. При мне были в Цюрихе два человека, которых он хвалил чрезмерно: после открылось, что они лицемеры и шалуны. Останемся при темном чувстве! будем физиогномистами для себя, но всегда готовыми признавать ошибки свои!» (ВЕ. 1802. Ч. 2. Март. № 6. С. 108).

¹² Ср. у Тургенева: «Другой мужик — звали его Фитюевым — просто в тупик его поставил. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье... <...> И что же? Фитюев оказался бобылем; у него мир отобрал землю, потому что он — человек здоровый и даже сильный — не мог работать. „Не могу! — всхлипывал Фитюев сам, с глубоким, внутренним стоном, и протяжно вздыхал. — Не могу я работать! Убейте меня! А то я на себя руки наложу!“ И кончал тем, что просил милостыньки — грошика на хлебушко... А лицо — как у Ринальдо Ринальдини!» (ПССуП(2). Соч. Т. 9. С. 214).

¹³ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. Кн. 1. С. 139, 140.

¹⁴ Патриот. 1804. Т. 4. С. 284–286; 376–377.

рианова эклога, под именем Руфь, подала мысль написать пизсу сего имени».¹⁵

В повести «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор» автор (издатель «Патриота» В. В. Измайлов) писал: «Русская поселанка, может быть, <...> милее все Флориановых Эстелл, представляла картину, достойную кисти новых Теокритов и Геснеров».¹⁶ Пастушеские повести Флориана — «Эстелла» и «Галатей», навеянные идиллиями Геснера, пользовались особенным успехом. Читателям следующих поколений они казались устаревшими, слишком условными и приторными. Вот и Тургенев, отвечая на письмо Полины Виардо, в котором она сообщала о предложении Луи Виардо перевести рассказы из «Записок охотника» на французский язык (которые Виардо, видимо, сравнивал с сочинениями Флориана), 30 декабря 1847 (11 января 1848 года) писал, что его рассказы «написаны в жанре, диаметрально противоположном повестям Флориана».¹⁷ Тургенев, вероятно, имел в виду отсутствие в повестях Флориана деталей быта, социально-психологических характеристик персонажей, надуманность конфликтов, отсутствие исторических обобщений. Л. Виардо не сумел тогда отличить сентиментальной манеры Флориана от реалистических картин Тургенева, исполненных поэзии и жизни. Правда, следует напомнить, что Л. Виардо русского языка не знал.

Прошло тридцать лет. Тургенев, работая над романом «Новь», любовно воссоздает быт людей XVIII века — Фомушки и Фимушки Субочевых, тщательно выписывая каждую деталь. Созданию колорита времени способствует и упоминание о круге чтения героев: журналов «Зеркало света» и «Приятное и полезное препровождение времени» — эти издания сохранились в мемориальной библиотеке Тургенева. Вероятно, в процессе работы над эпизодом Тургенев просматривал эти журналы. В 10-й, 12-й, 14-й и 15-й частях журнала «Приятное и полезное препровождение времени» за 1797 год была опубликована повесть Флориана «Галатей» в переводе Александра Ханенко. Герои повести, пастухи и пастушки, бродят со своими овцами по лугам и рощам, рвут цветы, плетут венки, играют на арфе, распевают песни, устраивают свадьбы, где новобрачным дарят корзины плодов и голубков... Над могилой, где вырезана надпись: «Здесь покоится прах доброго сына», — пастушка Галатей декламирует чувствительное стихотворение, которое начинается так:

Из пастухов в деревне нашей
Лизид был боле всех влюблен;
Луиза для него всех краше
Луизой всем он предпочтен!
Он ищет, чтоб на ней жениться,

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 87.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 106.

¹⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 383. Подлинник по-франц.

ŒUVRES
DE
M. DE FLORIAN.

NOUVELLE EDITION,

Orné de figures et augmenté de la Vie de
l'Auteur, de GUILLAUME TELL, et autres
ouvrages inédits.

TOME SEPTIÈME.

FABLES ET PIÈCES DIVERSES.

A PARIS,

DE L'IMPRIMERIE DE F. DUPART, LIBRAIRE.
M. DCCC.V.

Собрание сочинений Флориана на французском языке (Т. 7)
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

Отец дает ему ответ:
Пускай богатством с ней сравнится!
Иль для него Луизы нет...¹⁸

В стареньком альбоме, переплетенном в красный сафьян с золотой каймой, который периодически просматривали Фимушка и Фомушка, находились стихи, озаглавленные «Тирсис», возможно представляющие собой стилизацию стихотворных пасторалей XVIII века:

Покой вселенной управляет,
Роса с приятностью блестит,
Природу нежит, прохлаждает,
Ей нову жизнь собой дарит!

Один Тирсис с душой унылой
Страдает, мучится, грустит...
Когда с ним нет Анеты милой —
Его ничто не веселит!¹⁹

Особое внимание обратим на 2-ю строфу, где, как видим, сохранен размер и стиль Флориана (в переводе Ханенко), сохранена сюжетная линия. Правда, Тургенев заменяет имя Лизид именем другого пастуха

¹⁸ Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 15. С. 130.

¹⁹ ППСЦП(2). Соч. Т. 9. С. 240.

из «Галатеи» — Тирсис, а имя Луиза — на Анета. Стилизация Тургенева имеет цель представить дворянина галантного века, при этом она носит легкий пародийный оттенок.

III

Вполне представляет свое время и творчество поэта XVIII века Ю. А. Нелединского-Мелецкого, также пользовавшегося популярностью в России. Стихотворения Нелединского-Мелецкого в большом количестве представлены в периодических изданиях, сохранившихся в библиотеке Тургенева. Сам писатель хорошо знал его творчество.

Нелединский-Мелецкий родился в 1752 году в родовитой дворянской семье. Раннее сиротство (в 2 года он лишился матери и воспитывался у бабушек) пробудило у впечатлительного ребенка меланхолию и чувствительность, которые стали характерной чертой его творчества. При этом Нелединский-Мелецкий сделал успешную карьеру, снискал дружбу императрицы Марии Федоровны и благоволение Павла I. Следующие слова Павла довольно ярко характеризуют образ поэта: «...всегда быстрая и также для всех приятная маленькая синичка с заливным колокольчиком».²⁰

Нелединский-Мелецкий отдал дань почти всем поэтическим жанрам своего времени — переводам (из Ж. Лафонтена, Ж.-Ф. Лагарпа, К.-Ж. Дора, П.-А.-Д. Метастазियो), басням, одам, эпиграммам, но современники особенно ценили его как поэта-песенника. Г. Р. Державин ставил его первым в ряду «лучших песен сочинителей», К. Н. Батюшков считал, что его «вдохновенные страстью песни», наравне со стихотворениями других поэтов его времени, «приближались к желанному совершенству».²¹ В стихотворном послании, обращенном к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, И. И. Дмитриев писал:

Кто с тобою не восстонет,
Нежный пламенный певец?
Ах, твой глас и камень тронет,
У тебя лишь ключ сердец.

В 1796 году И. И. Дмитриев издал «Карманный песенник», имевший оглушительный успех, в который были включены 14 песен Нелединского-Мелецкого.²²

²⁰ Карамзин и поэты его времени. И. Дмитриев, М. Милонов, Ю. Нелединский-Мелецкий, В. Пушкин. Л., 1938. С. 328.

²¹ Батюшков К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык... // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. С. 13–14 (Лит. памятники).

²² См.: Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен: В 3 ч. М., 1796.

В некрологической статье, помещенной в журнале «Московский телеграф» (журнал сохранился в мемориальной библиотеке Тургенева), анонимный автор писал: «Юлий Александрович Нелединский-Мелецкий, незабвенный поэт прошлого века <...> Кто не знает его песен и романсов? Их не поют уже теперь; но в юности нашей проза Карамзина, басни и сказки Дмитриева и песни Нелединского были первыми уроками в словесности, конечно, каждого из нас. Его песни: „Полно, сизенький, кружиться...“, „Волга, реченька глубока...“, „Наконец твои обманы...“ (из *Метагастия*), „На то ль, чтобы печали...“ и другие были так же всем известны, как ныне „Черная шаль“ Пушкина и „Мой друг, хранитель — Ангел мой...“ Жуковского».²³

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Рассказывая об одном из своих приятелей, М. А. Дмитриев писал, что «он всячески раздражал свою чувствительность и гальванизировал ее, вздыхая на лугу и проливая слезы, когда я играл на шестиструнной гитаре „Выду я на реченьку“ или „На то ль, чтобы печали“».²⁴

Известный ученый Ф. И. Буслаев на склоне лет вспоминал, как его мать, любившая музыку, отыскивала в старом песеннике «бывшие тогда в моде романсы»: «У нее был хороший голос и музыкальный слух, и она любила за рукодельем сопровождать свою работу пением. Мне доставляет удовольствие припомнить теперь некоторые из ее любимых песенок: „Среди долины ровныя...“, „Взвейся выше, понесися, бело-грудый голубок...“, „Стонет сизый голубочек, стонет он и день и ночь...“, „На то ль, чтобы печали в любви нам находить...“».²⁵ Примечательно, что во всех трех приведенных фрагментах упоминается романс «На то ль, чтобы печали...». Полный текст его напечатан в «Санкт-Петербургском журнале» (также находящемся в мемориальной библиотеке Тургенева).

ПЕСНЯ

На то ль, чтобы печали
В любви нам находить,
Нам боги сердце дали
Способное любить?

²³ Московский телеграф. 1829. Ч. 25. Февраль. № 4. С. 553.

²⁴ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни М., 1998. С. 159.

²⁵ Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 2003. С. 85–86.

Одно лишь чувство страсти,
Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где? —
Нигде, нигде, нигде.
С ним горести жестоки
Везде, везде, везде.

Любил ли кто в вселенной
И мук не испытал!
Какой, какой влюбленный
Не плакал, не вздыхал?

Минута утешенья
Год лютого мученья,
А часто и навек
Беда, беда, беда.
О жалкое творенье
Влюбленный человек!

Всё сердцу грусть, мученье,
Отрады ни на час;
Невольник в заключенье
Спокойнее сто раз.

Коль страстно сердце в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано? —
На зло, на зло, на зло.
Возьмите ж, боги, сердце
Назад, назад, назад.

К...²⁶

Стихотворение подписано инициальной буквой «К...». В доступных нам библиографических справочниках обнаружить расшифровку этого псевдонима не удалось, и лишь процитированная выше статья из «Московского телеграфа» позволила установить автора стихотворения — Нелединского-Мелецкого.

Обратимся вновь к эпизоду с Фимушкой и Фомушкой в романе Тургенева «Новь». Кульминационный момент этой главы (XIX) — пение «переклитков» под «клавесин». Фимушка и Фомушка пели на старинный лад и выбрали уже известный нам романс «На то ль, чтобы печали...». «В одном углу гостиной оказалось крошечное фортепиано <...>. Снандулия села за этот „клавесин“, взяла несколько аккордов... <...> старички немедленно запели:

На то ль, чтобы печали, —

начал Фомушка, —

²⁶ Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. П. Пниним. 1798. Ч. 2. С. 134–135.

В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить?

Одно лишь чувство страсти, —

отвечала Фимушка, —

Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где?

Нигде, нигде, нигде! —

подхватил Фомушка,

Нигде, нигде, нигде! —

повторила Фимушка.

С ним горести жестоки
Везде, везде, везде! —

пропели они вдвоем,

Везде, везде, везде! —

протянул один Фомушка.

— Bravo! — закричал Паклин. — Это первый куплет; а второй?

— Изволь, — отвечал Фомушка, — только, Снандулия Самсоновна, что же трель? После моего стишка нужна трель.

— Извольте, — отвечала Снандулия, — будет вам трель.

Фомушка опять начал:

Любил ли кто в вселенной
И мук не испытал?
Какой, какой влюбленный
Не плакал, не вздыхал?

А тут Фимушка:

Так сердце странно в горе,
Как лодка гибнет в море...
На что ж оно дано?

На зло, на зло, на зло! —

воскликнул Фомушка — и подождал, чтобы дать время Снандулии пустить трель.

Снандулия пустила ее.

На зло, на зло, на зло! —

повторила Фимушка. А там оба вместе:

Возьмите, боги, сердце
Назад, назад, назад!
Назад, назад, назад!

И всё опять заключилось трелью». ²⁷

Оба академических издания Тургенева указывают, что источник текста романса не установлен, но теперь мы имеем возможность сравнить текст Нелединского-Мелецкого и текст, приведенный Тургеневым в романе «Новь». Во-первых, писатель выпустил 4-ю и 5-ю строфы стихотворения Нелединского-Мелецкого, а во-вторых, в последней строфе изменил первый стих.

У Нелединского-Мелецкого:

Коль страстно сердце в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано?
На зло, на зло, на зло!

У Тургенева:

Так сердце странно в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано?
На зло, на зло, на зло!

Последнее разночтение могло произойти оттого, что Тургенев писал по памяти, не справляясь с источником. Не исключена и банальная опечатка, которой писатель не заметил. В тексте песенника 1816 года эта строчка приводится уже в третьем варианте: «Так страстно сердце в горе». ²⁸ Надо надеяться, что когда-нибудь найдется старинный песенник, в котором будет не только текст, но и ноты этого романса. Тогда будет возможность услышать и нам романс таким, каким его слушал Тургенев и его старшие современники.

²⁷ ПССуП(2). Соч. Т. 9. С. 245–246.

²⁸ См.: Избранный песенник для прекрасных девушек и любезных женщин, содержащий собрание лучших русских песен разных сочинителей.... В 2 ч. М., 1816. Ч. 1. С. 85.